

Аталикова Марьяна Хамидбиевна

ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье рассматриваются особенности функционирования этических концептов в песенном фольклоре народов Северного Кавказа. Автор также обращает внимание на существование локальных традиций в построении сюжетов историко-героических песен в творчестве народных сказителей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. С. 24-26. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 398.87

В статье рассматриваются особенности функционирования этических концептов в песенном фольклоре народов Северного Кавказа. Автор также обращает внимание на существование локальных традиций в построении сюжетов историко-героических песен в творчестве народных сказителей.

Ключевые слова и фразы: народный сказитель; историко-героические песни; смерть героя-рыцаря в песенном фольклоре.

Марьяна Хамидбиевна Аталикова

Кафедра культурологии

Северокавказский государственный институт искусств

maryana.kh5@yandex.ru

ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА[©]

Многовековое соседство народов Северного Кавказа, значительная общность природно-культурного ландшафта и социально-исторического развития обусловили сходство многих черт материальной и духовной культуры. Данное обстоятельство определило близость этических идеалов и идейно-эстетических принципов, получивших отражение в устном народном творчестве. Отметим, что фольклор является одним из немногих источников культуры в бесписьменном полиэтническом ландшафте Северного Кавказа, с помощью которого становится возможным понять смысловые значения кавказского культурного пространства и его аксиологическую наполненность. При этом особое значение в процессе межгрупповой коммуникации этнокультур приобретают некоторые жанры устного народного творчества, в частности песенный фольклор.

На Северном Кавказе профессиональным носителем духовной культуры и распространителем фольклорных произведений на всей территории региона и за его пределами были народные сказители. В различных культурах их именуют по-разному: барды, менестрели, трубадуры и т.д. У вайнахов странствующие певцы были известны как «илланчи», у балкарцев и карачаевцев - «халкжерчи», у осетин - «кадæггæнæг», у адыгов - «джегуако» (от джэгу - «игра»). Как отмечает З. М. Налоев, народный сказитель на Северном Кавказе, «типологически соответствующий русскому скомороху, французскому жонглеру, немецкому шпильману, был сложным явлением, выполнявшим разнообразнейшие функции в жизни общества. В нем органически сочетались песнотворец и исполнитель, цирковой артист и сказочник, блюститель этикета и организатор веселья» [5, с. 43].

Единым источником образов героев, поэтических приемов и художественных традиций в северокавказском фольклоре, в том числе и в жанре героических песен, явился Нартский эпос - уникальный памятник духовной культуры народов региона. Героический эпос стал исторической основой взаимопонимания, символом общности культуры разных этнических групп Кавказа. Лейтмотивом многих сюжетов песен и других жанров фольклора становится эпическое величие духа, красота подвига, сила и мужество, честь и достоинство человека. Вот что писал по этому поводу Жорж Дюмезиль: «Очень долго у различных народов существовали профессионалы памяти - черкесы их называют “тегуако”, т.е. “играющие”. Им-то и принадлежит заслуга сохранения этих драгоценных преданий. В Осетии эти сказания были записаны преимущественно в прозаической форме. У черкесов некоторые из них стали длинными традиционными поэтическими плачами, довольно устойчивыми по тексту, несмотря на разницу в диалектах. При нынешнем состоянии черкесской эмиграции в Анатолии эти поэмы позабыты, и мне никогда не доводилось слышать их материала ни в какой другой форме, кроме довольно тусклой прозаической. Зато в Иордании, Сирии черкесскому фольклористу удалось услышать аэдов, ни в чем не уступающих тем, которые поют на земле своих отцов» [2].

Несмотря на то что время существования песни насчитывало не один десяток лет или даже веков, а сам фольклорный текст содержал элементы художественного произведения, историко-героические песни в этнической рефлексии были связаны с реальными событиями. Такой содержательный ракурс произведения был связан с тем, что сказитель после исполнения песни «должен был рассказать и предание, повествующее о событии или человеке, которому посвящена песня. Такая традиция была призвана содействовать сохранению целостности и правдивости песни и предания: они должны были подтверждаться взаимно» [6, с. 18]. Очевидно, что ввиду долгого отсутствия письменности информационное содержание фольклорного произведения в течение значительного времени выступало в виде живой исторической памяти. В этой связи заметим, что в северокавказских этнических культурах исторический процесс воспринимался не как цепь хаотичных событий, где человек оказывался во все захватывающем потоке времени, но как эпоха засвидетельствованная существованием человека, а значит не ушедшее в небытие. Еще в Нартском эпосе «соотнесенность человека со вселенной в опосредованной форме выявляется в картине первотворения (“Песня старых нартов”), в которой процесс становления мира изображается в параллели с ростом и возмужанием первочеловека [3, с. 73]: “когда еще мир лишь создавался // В те времена я лежал в люльке”» [7, с. 128].

Народные сказители на Северном Кавказе, будучи проводниками уникальных бесписьменных культурных универсалий, являлись, таким образом, трансляторами особой, присущей только данному региону лектонической культуры. Как отмечает Х. Г. Тхагапсоев: «По сути, речь идет о некоей информационной технологии, способе организации текстов культуры на основе коллективных усилий (коллективной памяти и коллективного действия) в форме глобально-ритуализованной и тотально-режиссируемой коммуникации. Иначе говоря, лектоническая коммуникация - это особая форма групповой организации, хранения, актуализации, демонстрации и обращения социального и культурного опыта, которая не только многократно увеличивает объем циркулирующей в социуме информации, но и обеспечивает (поддерживает) идентичность культурного сознания (групповую идентичность)» [9, с. 114]. На наш взгляд, именно в этом заключается самое существенное, если попытаться рационально, с точки зрения прагматизма оценить значимость этого способа передачи культурных ценностей. Впрочем, есть и неутилитарный аспект, который невозможно оценить рационально, поскольку любые духовные самобытные памятники ценны сами по себе, независимо от их практической значимости в данную историческую эпоху и потеря любого культурного артефакта невозможна, а странствующие сказители распространяли фольклорные произведения, способствуя тем самым сохранению наиболее значимых паттернов культуры. Последнее особенно важно именно в обществах с устной традицией коммуникации.

Историко-героический жанр в народном творчестве являлся одним из важнейших компонентов фольклора эпохи средневековья. Однако, как мы уже отмечали, жанрово-художественные, мировоззренческие, эстетические, предпосылки, повлиявшие на возникновение героической песни, формируются в недрах более архаичных пластов культуры. В связи с этим, Б. Г. Ашхотов пишет, «кардинальные изменения в фольклорном творчестве происходят в период трансформации обрядово-эпического мышления. На смену коллективному сознанию, имевшему объективный характер единого порыва фольклорного самовыражения, приходит новое содержание, ориентированное на личностное субъективное начало. Этот эволюционный этап (XVI век) знаменуется зарождением историко-героического жанра» [1, с. 292].

Сочинители и исполнители песен прославляли подвиги героев как прошлого, так и настоящего, выступали против несправедливости, предательства и трусости, воспевали силу, храбрость и достоинство человека. Отметим, что в пространстве региональной культуры, функционирование единых образов историко-героических сказаний формировало исторически транслируемый тип мышления и поведения в разных этнических средах. Нравственная оценка в песне воспринималась этническим сознанием как необходимое завершение, как справедливый итог повествуемого события, этим и объясняется открытость средневекового искусства с его этическими требованиями к каждому человеку в отдельности, и ко всей общине в целом. По словам Б. Г. Ашхотова «адыгская историко-героическая песня становится тем рубежом в развитии фольклорного мышления народа, когда реальные факты и события, жизнь и судьбы известных людей-персонажей песен вызывают индивидуальное эмоциональное переживание исполнителей и слушателей» [Там же]. Отнести данные слова мы можем и к песенному творчеству других народов Северного Кавказа. Однако сходство ценностных ориентиров и этнической психологии не формировало однородного фольклорного пространства во всем регионе. Отметим, что существовали локальные традиции в построении сюжетов историко-героических песен.

По мнению К. Г. Цхурбаевой, существенной жанровой характеристикой осетинского песенного фольклора является «последовательность фактов - борьба, подвиг, смерть», что было «необходимым условием для появления той или иной героической песни». При этом, аргументируя сказанное, автор обращает внимание на то, что происхождение героических песен «восходит к народным плачам и причитаниям. Первоначально они, по-видимому, были как бы мужским плачем по герою. В дальнейшем связь с причитаниями становилась все менее и менее отчетливой» [10, с. 39-40]. А. И. Рахаев, исследуя традиционный музыкальный фольклор Балкарии и Карачая, подчеркивает «некоторую категоричность утверждения» автора и замечает, что в большой степени «поводом для создания героической песни служила не гибель героя, а героический поступок, совершенный им, не смерть его, а жизнь, освященная подвигом. Именно в этом огромная воспитательная сила героической песни, ее непреходящая ценность» [8, с. 73].

В фольклоре вайнахов при построении сюжета историко-героических песен существовали свои мировоззренческие приоритеты, отражающие особенности исторического развития данных народов. Так, по словам И. Б. Мунаева, «проявление в критических ситуациях сдержанности, терпения, толерантности считалось равноценным совершению героического подвига или даже выше его. Высоко ценились такие нравственные качества как “собар” (терпение, толерантность) и “бартбар” (миротворчество)» [4]. Таким образом, смерть героя не является обязательным условием появления героических песен в этой этнической культуре, но при этом основной темой становится борьба внутренняя, победа над самим собой, необходимая для принятия героем единственно правильного решения в трудной ситуации. Можно предположить, что подобный выбор сюжетов для песен героического жанра объясняется более ранним проникновением учения ислама на территорию Чечни и Ингушетии из соседнего Дагестана, что обусловило доминирование в общественно-политической жизни священнослужителей и, соответственно, ослабления престижа аристократии и рыцарско-военного образа жизни вообще. Заметим также, что и позднее (XIX в.) и вплоть до настоящего времени, институт народных сказителей и жанр илли уже были не так популярны в этнической культуре чеченцев и ингушей, где в быту больше всего функционируют религиозные жанры (назмы, зикры).

Психологическая, культурная и социальная значимость этических концептов в духовной жизни человека традиционного общества обуславливало постоянство обращений народных сказителей к проявлениям

героической стойкости и мужества воина-рыцаря. Возникнув в средневековом обществе, такие структурные единицы этической системы как человечность, почтительность, совесть, мужество, репутация и сегодня являются важнейшими элементами этнического самосознания, отражающими нравственный мир личности.

Список литературы

1. Ашхотов Б. Г. Адыгское народное многоголосье. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 370 с.
2. Дюмезиль Жорж. Нартовский эпос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anaharsis.ru> (дата обращения: 19.04.2011).
3. Кудяева З. Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик: Эльбрус, 2008. 293 с.
4. Мунаев И. Б. Чеченская народная поэзия XIX-XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.groznycity.ru> (дата обращения: 19.04.2011).
5. Налоев З. М. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. 191 с.
6. Налоев З. М. Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1985. 267 с.
7. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. 415 с.
8. Рахаев А. И. Традиционный музыкальный фольклор Балкарии и Карачая. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 153 с.
9. Тхагапсоев Х. Г. Что заменит нам протестантскую этику? // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместимости. Ростов-на-Дону, 2004.
10. Цхурбаева К. Г. Об осетинских героических песнях. Орджоникидзе: Северо-Осетинское изд-во, 1965. 199 с.

ETHICAL CONCEPTS IN HISTORICAL-HEROIC SONGS OF NORTH CAUCASIAN PEOPLES

Mar'yana Khamidbievna Atalikova

Department of Culturology

North-Caucasian State Institute of Arts

maryana.kh5@yandex.ru

The author considers the features of ethical concepts functioning in the song folklore of North Caucasian peoples and pays attention to the existence of local traditions in the creation of the plots of historical-heroic songs in the creativity of folk story-tellers.

Key words and phrases: folk story-teller; historical-heroic songs; death of hero-knight in song folklore.

УДК 123.1

В статье проводится анализ понятия «свобода» с точки зрения деятельностного подхода. Свобода рассматривается в ключе процесса самоорганизации человека как единственного носителя потенций свободы.

Ключевые слова и фразы: свобода; самоорганизация; потенции свободы; реализация свободы.

Анна Владимировна Белецкая

Кафедра философии гуманитарных факультетов

Философский факультет

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Belanna@rambler.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СВОБОДЫ[©]

Свобода является неотъемлемым феноменом нашего бытия, она известна каждому, но при этом хранит в себе тайну, оставаясь не менее загадочной, чем смысл жизни, счастье, любовь и другие реалии жизни человека. Люди, как правило, стремятся быть свободными, определяя это состояние совершенно по-разному, вкладывая в него свои субъективные смыслы и представления. Более того «свобода» является предметом изучения многих научных дисциплин (таких как социология, политология, этика, философия и т.д.), в той или иной мере касаясь всех сфер социальной действительности. Такова уж природа феномена свободы, полисемантического, противоречивого и многозначного понятия, исключающая возможность единственно «правильного» (применимого в любой области и каждом отдельном случае) определения.

Рассуждения о свободе можно встретить практически во всех философских концепциях. На протяжении истории социальной философии понятие «свобода» претерпевало огромное количество изменений в определениях и подходах к ее описанию. Существуют разные способы философского осмысления свободы. Во-первых, фаталистический подход (Аристотель, Марк Аврелий, Сократ, Эпикур, Августин Блаженный, Фома Аквинский, Н. К. Рерих, А. И. Клизовский и др.), где свобода определяется через взаимосвязь с понятием Судьбы, воплощающим внешнюю по отношению к человеку необходимость сверхъестественного или религиозного характера. Во-вторых, субъективистский подход (волюнтаризм А. Шопенгауэра, позитивизм